

УДК 327

Алексей ГРОМЫКО

ЧЕТВЕРТЬ ВЕКА ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ

Аннотация. Статья посвящена истории внешней политики России с 1991 г. Поднимаются темы её эволюции, концептуальных основ и постулатов. Автор в своём исследовании опирается на новейший дискурс о природе и структуре современных международных отношений, анализирует термины «многополярность», «полицентризм», «многосторонность», «либеральный мировой порядок». Рассмотрен вопрос об эластичности и взаимосвязанности прошлого и настоящего в истории международных отношений. Автор рассуждает об изменении соотношения сил среди западных стран. Он также показывает, что конкурентные преимущества России на мировой арене опираются на принцип государственного суверенитета. Сделан вывод, что внешнеполитический успех в обозримом будущем будет сопутствовать государствам, преуспевающим в экономической и социальной модернизации и применяющим долговременные подходы.

Ключевые слова: внешняя политика, Россия, многополярность, полицентризм, многосторонность, история, международные отношения

Четверть века для дипломатии любого периода истории – вместилище большого количества событий и решений, достижений и трудностей. Но годы, ставшие хронологическими рамками нового исследования МГИМО МИД России, выделяются особо². Речь идёт о четверти века, которые стали самыми сложными для российской дипломатии, пожалуй, со времён Второй мировой войны. Богатый и многомерный материал книги – благодатная почва для рассуждений о недавнем прошлом, настоящем и будущем внешней политики России.

После распада Советского Союза Россия во многом начала отсчёт своей жизни с начала, хотя и располагала огромным историческим багажом. Изменились границы страны, состав её населения, структура экономики, социальный уклад, политическое устройство. Внешняя политика государства шла на ощупь, следуя за новыми идеологическими и мировоззренческими установками политического руководства, которые по ходу дела претерпевали существенные изменения. Одновременно она испытывала благотворную силу инерции дипломатии советского времени, которая в свою очередь по сути опиралась на достижения предыдущей, имперской эпохи. Со временем фактор преемственности, помноженный на новое качество ситуации в мире, вышел на первый

© **Громыко Алексей Анатольевич** – член-корреспондент РАН, директор ИЕ РАН, председатель Ассоциации европейских исследований, заведующий кафедрой истории и теории международных отношений Института международных отношений и мировой истории Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского. **Адрес:** Россия, 125009, Москва, ул. Моховая, д. 11, стр. 3. **E-mail:** alexey@gromyko.ru

DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope32018133143>

² Внешняя политика России. 1991 – 2016. Под общ ред. и с предис. акад. А.В. Торкунова. МГИМО МИД России, 2017.

план после болезненного периода внешнеполитических экспериментов, вплетённых в интеллектуальную и эмоциональную ткань становления новой идентичности России. Вслед за СССР она удерживает большинство глобальных атрибутов, статус космической, энергетической, военной, научной, культурной, спортивной державы. К 2016 году, завершающему коллективную монографию, постсоветская модель внешней политики государства не только сложилась и устоялась, но многократно доказывала свою эффективность. Эта сфера деятельности России превратилась в одну из наиболее успешных и популярных, зачастую демонстрируя запас прочности, намного превосходящий формальные параметры статистической мощи государства.

Дипломатической корпорации России удалось, сохраняя преемственность со своей советской предшественницей, остаться одной из самых профессиональных и престижных, не только «зеркалом» международных событий, но и механизмом изменения окружающего мира. Причём, как отмечено в исследовании МГИМО, эта задача выполняется в условиях, когда в целом в мире наблюдается депрофессионализация дипломатической деятельности¹. Перефразируя, если ты не занимаешься внешней политикой, то она займётся тобой. Россия большую часть постсоветского периода не допускала такого положения дел, использовала свой дипломатический ресурс для продвижения собственного видения путей трансформации международной среды. Действуя вначале в чрезвычайно сложных обстоятельствах 1990-х гг., на фоне политических и экономических перипетий того времени, а затем наращивая свои достижения по мере усиления страны в начале XXI века, российская внешняя политика вернула себе полноправное место среди мировых тяжеловесов. Её отличительной чертой стала активная позиция, отвечающая объективным условиям мирового развития. В центре этого процесса – формирование полицентрического устройства мира.

Есть ли альтернатива полицентризму?

Полицентризм – одна из наиболее востребованных тем обсуждений современных международных отношений. На первый план она вышла после того, как биполярный мир, а затем попытки заменить его миром однополярным², оказались в прошлом³. Правы те, кто усматривает в современных реалиях наличие характеристик обеих моделей. Существует тонкое определение этой ситуации, как переход от «слабеющей однополярности к размытой биполярности»⁴. Кроме того, нельзя исключать, что текущее столетие приведёт к новому изданию биполярности в лице США и Китая или к попыткам

¹ Там же, с. 97.

² В книге используется термин «американоцентричность». Ibid., p. 15.

³ Идея полицентричности, прежде чем стать магистральной, с трудом пробивала себе дорогу через толщу событий 1990-х гг. Авторы монографии МГИМО напоминают, что в публичном пространстве России она была высказана в 1996 г. в статьях Е.М. Примакова в «Независимой газете» и затем в журнале «Международная жизнь» (Примаков Е.М. На горизонте многополюсного мира // Независимая газета. 1996. 6 апреля; Примаков Е.М. Международные отношения накануне XXI века: на горизонте – многополюсный мир // Международная жизнь. 1996. № 10. С. 3-13). Эти и иные новеллы дипломатической мысли России запустили процесс формулирования концептуальных основ современной внешней политики России. См.: Внешняя политика России. 1991 – 2016... С. 34.

⁴ Также см.: Кувалдин В.Б. «Большая игра» XXI века. <https://www.vestifinance.ru/articles/101009> (дата посещения 12.07.2018).

последнего установить свою относительную гегемонию. Теоретически это возможно, если, например, по негативному сценарию в среднесрочной перспективе пойдёт история Евросоюза и Соединённых Штатов. В наблюдении, что в обоих случаях прослеживаются черты «позднего СССР», есть зерно истины.

Более убедительно предположение, что природа международных отношений изменилась кардинально как неизбежное последствие развала Советского Союза; мир постсоветской эпохи оказался в новой системе координат. В основном её именуют либо многополярностью, либо полицентризмом. И здесь существует масса вариантов. Во-первых, эти два термина можно использовать как синонимы. Тезис состоит в том, что в новом столетии устанавливается некое соотношение сил между крупными державами или их союзами, но арсенал средств их воздействия друг на друга не будет принципиально отличаться от предшествующей эпохи (равновесие силы, комбинации «кнута и пряника», национальные интересы, *реалполитик*). Другими словами – это вариант региональных порядков, слабо сцепленных между собой. Пессимисты считают, что такой путь неизбежно приведёт к новым виткам конфронтации.

Оптимисты же уверены, что, в каком бы направлении не пошла трансформация системы глобального регулирования, стабилизирующим фактором и дальше будут служить «сквозные» конструкции, своего рода константы, пронизывающие последние этапы международных отношений. Среди них: национальные государства как главные субъекты мировой политики, примат международного права, ядром которого остаётся Устав ООН, сохранение способности к стратегическому мышлению у ряда крупных игроков, наличие конкурентных преимуществ, которые в условиях глобального мира во многом нивелируют разницу в мощи разных субъектов международных отношений, сдерживающий фактор ОМУ и др. Иными словами, даже в случае утверждения разобщённой многополярности устойчивость международных отношений будет достаточно высокая.

Второй подход заключается в рассмотрении многополярности и полицентризма в качестве разных явлений. Рассуждать можно, например, о том, что мы живём в эпоху многополярности со всем её хаосом, но она служит транзитом от биполярной стабильности, основанной на страхе, к более сложной и прогрессивной стабильности полицентризма, основанной на здравом смысле и просвещённом разуме. Имеют право на обсуждение и аргументы о том, что элементы полицентризма появились ещё в недрах биполярной эпохи, и после окончания холодной войны, следуя извилистым путём, он становится основной доминантой в международных отношениях. Однако полицентризм не обязательно сформируется и закрепится как желанная модель, но может «свалиться» в многополярность, которая станет следствием крушения надежд на полицентризм, а не его подготовительной фазой. Такая многополярность, как своего рода «размноженная» биполярность, будет основана на игре с нулевой суммой и на представлении о мире, как о жёсткой конкурентной среде¹.

Конечно, при таких допущениях предпочтительнее полицентризм как упорядоченные отношения между резко возросшим количеством центров силы и влияния, которые руководствовались бы и даже подчинялись общим правилам цивилизованного поведения.

¹ Рефреном коллективной монографии МГИМО стало положение о жёсткой конкурентной среде, которой будут в XXI веке характеризоваться взаимоотношения России не только с США, но и с другими ведущими игроками.

ния. В эту канву укладывается идея нового «концерта держав», но на этот раз не европейского, а глобального. Но даже если избежать укоренения многополярности, необходимо признать, что полицентризм может быть разным, в том числе далёким от идеала, например, иерархическим, а не сетевым. Реализация варианта иерархического полицентризма обеспечит место среди мировых лидеров большему количеству государств, но принцип «центр – периферия» сохранится. Мир станет более справедливым (больше стран смогут получать выгоду от глобализации), но всё же бледной тенью идеи «полицентричной симфонии».

Третий вариант – отрицание перспективности обеих моделей (многополярности и полицентризма); вместо них предлагается «многосторонность» – принципиально иной сценарий качественной трансформации международных отношений¹. Здесь ключевым принципом является не распределение силы и влияния между возросшим числом игроков, а следование всеми субъектами международных отношений определённым режимам, основанным на прогрессивных нормах, правилах и ценностях. Одна из проблем заимствования этого термина – его длительное использование в иной интерпретации в рамках политологического дискурса в Евросоюзе («мультилатерализм»). Имеется ввиду нормативная и ценностная сила западноевропейского интеграционного проекта, получившего форму ЕС, который, согласно задумке, становится ядром Запада по мере ослабления позиций США. В этом смысле, многосторонность рассматривается как видоизменение внешней политики Запада при сохранении классической структуры международных отношений «центр – периферия» («Запад – все остальные»)².

С первого взгляда, такие изменения и происходят на наших глазах: США занимают всё более односторонние, даже изоляционистские позиции, что только подталкивает ЕС к более активной роли по сохранению «либерального мирового порядка». Однако такая многосторонность по-европейски вряд ли имеем шансы на успех. Причина в том, что концепция предполагала сохранение Запада как традиционно устоявшейся цельности, с перераспределением внутреннего баланса влияния. ЕС не был готов ранее и не готов теперь, если не считать риторики, заменить США в качестве лидера «либерального мира». Для этого у него нет достаточных политических, экономических и военных ресурсов. Без США Евросоюз не может претендовать на лидерство в установлении многостороннего международного порядка как варианта «либерального порядка». Это уже многосторонность, носитель которой заключён в границах ЕС. За ними – другие игроки полицентричного мира с собственными представлениями о месте Евросоюза в современной системе международных отношений.

Впрочем, ЕС уже признал такое положение вещей. В Глобальной стратегии организации, выпущенной в июне 2016 г., фактически дезавуируется её претензия на универсальность. «Мы не будем пытаться экспортировать нашу модель, – говорится в документе, – но будем стремиться к взаимному обогащению, используя опыт других регионов»³. Развивая нестандартную для себя логику, ЕС идёт дальше, инкорпорируя в своё

¹ <https://www.globalaffairs.ru/global-processes/Pochemu-mir-ne-stanovitsya-mnogopolyarnym-19635>

² Похожих подходов придерживаются авторы коллективной монографии МГИМО, в которой концепция либерального мирового порядка рассматривается как попытка помешать возвышению новых крупных центров силы. См.: Внешняя политика России. 1991 – 2016... С. 17.

³ Shared Vision, Common Action: A Stronger Europe. A Global Strategy for the European Union's Foreign And Security Policy. June 2016. P. 32.

мировоззрение понятие «региональные порядки», которые, как отмечено выше, обычно рассматривались как атрибут многополярной модели международных отношений. Но в данном случае стратегия предлагает иную, либеральную интерпретацию региональных порядков как «кооперативных». Представляется, что этот тезис снимает антиномию между полицентризмом и многосторонностью, демонстрируя, скорее, их диалектику. Многосторонность, таким образом, может являться вариантом полицентризма в случае его развития по «кооперативному» сценарию, а не самостоятельной моделью международных отношений.

Положение ЕС усугубляется тем, что его собственное пространство сужается после решения Соединённого Королевства о брекзите. Таким образом, ЕС «теряет» и США, и Британию. Кроме того, его амбиции по дальнейшему территориальному расширению уступили место неизмеримо более скромным намерениям: одно дело – грандиозная задача по вовлечению в свои ряды Турции (на этом сейчас фактически поставлен крест), и совсем другое – принять в свой состав несколько малых стран Юго-Восточной Европы, да и то в среднесрочной перспективе (начиная с 2025 г., не раньше). Значение проекта «западных Балкан», которому ЕС нарочито посвящает в последние годы массу времени и сил, явно переоценено.

Курьёзным проявлением этого стала нелепая ситуация 9 июля 2018 г. в Лондоне на открытии саммита с участием шести государств Западных Балкан, восьми стран-членов ЕС и Еврокомиссии. Задолго до этого Британия проявила большую активность, лоббируя тему расширения ЕС в этом регионе Европы и заявляя о своих особых интересах в нём. Саммит, по настоянию Даунинг-стрит должен был пройти в британской столице. Однако представительная аудитория, собравшись на открытии встречи в Лондоне, напрасно ожидала появления Бориса Джонсона, министра иностранных дел. Лишь через несколько часов выяснилось, что эксцентричного политика ждали напрасно, – в это утро он покинул правительство, направив Терезе Мэй пространное письмо с обоснованием своей отставки.

Однако и без этого эпизода уже давно выглядело странным, что Британия продолжает гнуть свою традиционную линию по количественному расширению ЕС, в то время как сама покидает его ряды. Балканы, теперь уже Западные, действительно представляют большой геополитический интерес, но в первую очередь для НАТО, особенно в отношении побережья Восточной Адриатики. Для ЕС же включение в свой состав новых балканских стран, пусть и столь небольших, влечёт за собой далеко не однозначные последствия. Как не раз заявлял Жан-Клод Юнкер, аргументируя свою позицию о моратории на расширение ЕС как минимум до 2020 года, приём новых членов не должен вести к «импорту нестабильности».

Постулаты внешней политики России

Возвращаясь к коллективной монографии МГИМО, укажем на её солидный концептуальный базис. Он состоит, на наш взгляд, из следующих постулатов.

Первое. Внешняя политика России «бьёт сильнее своих возможностей».

Второе. Россия глубоко интегрирована в современный мир. Это объясняется тем, что она занимает высокое положение в системе глобального регулирования, унаследованной от эпохи холодной войны (ООН, МВФ, ВБ, ВТО, ОБСЕ), и тем, что она актив-

ный член новых международных проектов (ЕАЭС, ШОС, ОДКБ, БРИКС, «Группа двадцати» и др.). Добавим, что эта глубокая интеграция кроет в себе не только преимущества, но и риски, например, высокая зависимость России от колебаний цен на энергоносители на мировых рынках. Системообразующую роль среди всех перечисленных институтов играет Организация Объединённых Наций¹.

Третье. С учётом вышеизложенного, Россию невозможно изолировать. Материалы исследования МГИМО многократно подтверждают это утверждение. Встречаются и дискуссионные моменты. Например, тезис о том, что применение постоянным членом Совета Безопасности Организации Объединённых Наций права вето можно расценивать как показатель изолированности государства². Представляется, что ООН не повторила судьбу своей предшественницы – Лиги Наций – во многом благодаря тому, что, по настоянию советской дипломатии, на конференциях по созданию Объединённых Наций в 1944-1945 гг. удалось согласовать принцип консенсуса в качестве основополагающего в деятельности новой организации. Право вето – это в первую очередь принуждение к компромиссу, а не показатель слабости накладывающей вето стороны. В истории ООН постоянные члены Совета Безопасности почти ежегодно блокировал принятие тех или иных резолюций (в первый раз право вето было использовано СССР в 1948 г.)³. На счету СССР/России – 111 вето, на счету США, Франции и Британии – 89.

Четвёртое. Россия обеспечила себя на мировой арене набором конкурентных преимуществ, включающих, помимо традиционных военной и энергетической составляющих, привлекательность как страны-реципиента мигрантов, удержала передовые позиции в глобальном культурном пространстве, создала заметный информационный потенциал, является одной из ведущих государств мира в области кибербезопасности.

Пятое. Россия стала одной из главных составляющих полицентричного мира, умело использовала возможности, предоставленные членством в БРИКС и ШОС. Заблуждение считать, что в них доминируют интересы Китая; в обоих случаях успех в развитии этих проектов был в первую очередь достижением российской внешней политики⁴. Не случайно первый саммит БРИК прошёл в 2009 г. в Екатеринбурге. Можно вспомнить и о том, что изначально, в 1998 г., китайское и индийское руководство с осторожностью отнеслось к предложению Е.М. Примакова о создании тройственного механизма взаимодействия⁵. Принятие в состав ШОС Пакистана и Индии в 2017 г. – также инициатива российской дипломатии.

Шестое. Россия продвинулась далеко вперёд в развитии интеграционных процессов на постсоветском пространстве (ОДКБ, ЕАЭС), но значимых результатов по реализации идеи «интеграции интеграций» с Евросоюзом пока нет. Напротив, столкновение интеграционных интересов из-за глубоких разногласий с ЕС и НАТО привело к украинскому кризису⁶, который стал бременем для экономических и политических возможностей России. В то же время принцип «интеграции интеграций» развивается по дру-

¹ Внешняя политика России. 1991 – 2016... С. 119-127.

² Там же. С. 102-103.

³ <http://research.un.org/en/docs/sc/quick>

⁴ Внешняя политика России. 1991 – 2016... С. 127-140.

⁵ Там же. С. 455.

⁶ Там же. С. 241-250.

гим направлениям: сопряжение двух интеграционных контуров – ШОС и ЕАЭС и последнего с китайской инициативой «Один пояс – один путь»¹.

На фоне догматичного «европейского курса» Украины и решения Киева о выходе из СНГ ещё большее значение приобретает устойчивость и эффективность Союзного государства России и Беларуси как ядра интеграционных проектов на территории бывшего СССР. В исследовании МГИМО оно охарактеризовано, как потенциально связующее звено между восточным и западным флангами Евразии². Общеизвестны трудности, с которыми сталкиваются в своём развитии и Союзное государство, и ЕАЭС. Тем более востребованы инициативы, направленные на их преодоление. Например, уязвимым местом являются слабое информационное сопровождение евразийской интеграции и недостаточное экспертное взаимодействие. Этот недостаток призваны восполнить деятельность Телерадиовещательной организации Союзного государства (ТРО)³, Российско-белорусского экспертного клуба⁴, Евразийского информационно-аналитического консорциума⁵ и др. При рассмотрении тематики украинского кризиса материалы коллективной монографии МГИМО напоминают и о такой важной странице истории, как совместные программы России и США по укреплению контроля над ядерным арсеналом, в том числе по вывозу его из Украины, Беларуси и Казахстана на территорию России⁶. Лиссабонский протокол к Договору между СССР и США о сокращении и ограничении стратегических наступательных вооружений был подписан в мае 1992 г. Россией, США, Украиной, Беларуссией и Казахстаном. Последние три государства вместе с Россией и США становились участниками Договора о сокращении СНВ. Статья 5 протокола обязывала Украину, Беларусь и Казахстан присоединиться к Договору о нераспространении ядерного оружия в качестве государств-участников, не обладающих ядерным оружием. Таким образом, речь шла о сокращении советского ядерного арсенала, а Украина, Беларусь и Казахстан де юре не рассматривались как официально признанные ядерные державы. Верховная Рада ратифицировала Лиссабонский протокол в феврале 1994 г., а в ноябре 1994 г. ратифицировала ДНЯО. Будапештский меморандум о гарантиях безопасности в связи с присоединением Украины к ДНЯО был подписан после этого, в декабре на саммите СБСЕ, причём ратифицирован он не был ни одним из подписантов.

Седьмое. Россия проявила способность к стратегическому мышлению, примером чего служит её восточная политика, формирование которой началось задолго до «разворота на Восток» в 2014 г.⁷ Многовекторность внешней политики страны была заложена в 1990-е гг. Речь идёт в первую очередь о регионе АТР, но также о Ближнем Востоке, в котором, особенно в последние годы, Москва утвердилась в качестве одного из ключевых игроков. Необходимо помнить, что ШОС зародился ещё в 1996 г. на первой встрече «Шанхайской пятёрки», проложив путь к созданию организации в 2001 г.⁸

¹ Там же. С. 201.

² Там же. С. 206.

³ <http://belros.tv/>

⁴ <http://club.eurasia.expert/>

⁵ <http://ukros.ru/>

⁶ Внешняя политика России. 1991 – 2016... С. 253.

⁷ Официально вывод о возвышении Востока на мировой арене появился в Концепции внешней политики РФ в 2013 г.

⁸ Внешняя политика России. 1991 – 2016... С. 453-454.

«Диалоговое партнёрство» России с АСЕАН было официально установлено в 1996 г., а к АТЭС Россия присоединилась в 1997 г. Способность России к долгосрочному мышлению проявлялась не раз и на западном направлении, например, решение России и ЕС перейти в 1999 г. к формату стратегического партнёрства¹. Впоследствии ЕС откажется от этой стратегии, обменяв её на близорукую тактику «пяти принципов» в отношении России, принятых в марте 2016 г. По иронии судьбы, эти принципы вошли в уже упомянутую Глобальную стратегию ЕС. Стратегическим был и формат «большой тройки» в составе России, Германии и Франции, действовавший с 2003 по 2006 г. (отголоском его была и трёхсторонняя встреча в Довиле в 2010 г.)². С тех пор подобные саммиты не проводились, что не отменяет стратегическое значение потенциала «большой тройки» для будущего Европы.

Эти примеры вступают в противоречие с несвойственной внешней политики нашей страны недалёковидными действиями, которые в основном можно объяснить заблуждениями о методах решения сложных международных проблем. Так, советско-японское заявление 1991 года, подписанное М.С. Горбачёвым в Токио, реанимировало «территориальную проблему», причём спорные острова назывались поимённо. Перечисление островов было вновь допущено в двусторонней Московской декларации 1998 года³. Важно отметить, что практически все конкурентные преимущества России на мировой арене опираются на принцип государственного суверенитета, и в исследовании МГИМО этот тезис звучит неоднократно. Конечно, в наше время субъектность в международных отношениях не сводится к институту государства, включая, например, интеграционные образования с развитым наднациональным механизмом. Но, как правило, они действуют не вопреки воле крупных стран, а используются ими для укрепления своих позиций⁴.

Что касается основ современной внешней политики России, то можно только согласиться с авторами монографии – после периода переосмысления, начавшегося в 1996 г., они складывались в стройную систему в результате принятия Концепции внешней политики РФ в июле 2000 г. и её преемниц в 2008, 2013 и 2016 гг. Три последние документа следовали в русле тезисов, высказанных В.В. Путиным в Мюнхенской речи 2007 года. В результате утвердились такие положения, как защита интересов российских граждан и соотечественников за рубежом, активное применение инструментов мягкой силы, многовекторный курс и в то же время приоритетность «восточного вектора» российской внешней политики, сетевая и публичная дипломатия, информационное сопровождение внешнеполитической деятельности и др.⁵ Не менее верно, что, несмотря на широко распространённое за рубежом клише, внешнеполитические официальные документы и практика демонстрируют предсказуемость внешней политики России.

Утверждение, что при всём усилении России в начале XXI столетия дипломатия страны продолжает «бить сильнее своих возможностей», находят убедительное подтверждение на страницах монографии МГИМО. В асимметрии между внутренними ресурсами и эффективностью внешней политики нет ничего имманентно предосуди-

¹ Там же. С. 275.

² Там же. С. 331-332, 336.

³ Там же. С. 504-506.

⁴ Там же. С. 98-99.

⁵ Там же. С. 37-72.

тельного. Само выражение заимствовано из английского языка и было введено в оборот для обозначения эффективности внешней политики Британии после распада империи. Королевство сумело сохранить своё место в числе ведущих экономик мира, располагая территорией, численностью населения, природными ресурсами, которые в разы уступают российским показателям. Но приходится констатировать, что сегодня экономика России даже по паритету покупательной способности только на 1-2 позиции обгоняет британскую и сильно отстаёт по номинальным показателям. Таким образом, экономика России, в отличие от её внешней политики, показывает результаты слабее своих возможностей.

В исследовании МГИМО экономическая модель нашей страны обосновано названа «олигархическим госкапитализмом»¹. Возможно, и такой тип экономики теоретически может быть достаточно конкурентоспособным, но в российском случае он возник на базе использования природных ресурсов. Так, экспортная квота России – одна из самых высоких в мире, но за этой цифрой кроется отсталая структура экономики и как следствие – отсталая товарная структура экспорта. Можно возразить, что «ресурсное проклятие» – надуманная проблема, что Россия наделена богатейшими природными ресурсами и должна активно использовать своё конкурентное преимущество. Но это лукавое возражение, ведь проблема не в обладании природными богатствами, а в том, как они используются, насколько глубоко они перерабатываются, как эффективно привлекаемая благодаря им прибыль направляется на модернизацию экономики. В конце концов, всем понятно – любые ископаемые природные ресурсы конечны.

Авторы монографии привлекают внимание и к другим очевидным проблемам. Так, Россия фактически проедает существенную часть экспорта вместо модернизации основных фондов; с 1990 г. произошёл «обвал» в торговле России с постсоветскими государствами; экономика характеризуется ярко выраженным европоцентризмом, доля её восточного вектора растёт, но очень медленно; основная масса капитала вывозится из России в офшоры. Сложно положительно оценить и тот факт, что Россия «стала мировым рекордсменом по списанию задолженности зарубежным государствам», ведь экономические и геополитические выгоды от таких действий не ясны. Большую неопределённость в развитие экономики вносит нестабильный рубль, что является болезненной темой и для взаимоотношений участников Евразийского экономического союза. В последние годы уже мало кто вспоминает о планах по превращению России (Москвы) в международный финансовый центр.

Обзорный характер труда МГИМО позволяет ретроспективно посмотреть на предысторию ряда тем, которые носят крайне злободневный характер. Например, примечателен факт, что Россия была одним из инициаторов и разработчиков Конвенции о запрещении разработки, производства, накопления и применения химического оружия и о его уничтожении (КЗХО), которая вступила в силу в 1997 г.² Соответствующая организация – ОЗХО оказалась в центре внимания в марте 2018 г. в связи с событиями в британском г. Солсбери и «делом Скрипалей», хотя многие годы за её работой следили только специалисты. Позже последовал второй акт этой драмы после отравления ещё двух человек в г. Эймсбери.

¹ Там же. С. 73-95.

² Там же. С. 143.

Ситуация вокруг самой ОЗХО развивалась достаточно драматично. В июне 2018 г. на специальной конференции этой организации было поддержано предложение Лондона расширить её мандат, предоставив техническому секретариату полномочия выносить обвинительные вердикты. В ответ Россия намекнула на возможность своего выхода из ОЗХО. Противостояние в её рядах должно найти своё разрешение на регулярной конференции государств – участников ОЗХО, которая пройдёт в ноябре.

«Дело Скрипалей» и в целом «химическое досье», ставшее одним из главных дипломатических «полей битв», показало, с какой готовностью проблемы, якобы оставленные в XX веке, обретают «второе дыхание». Как демонстрируют события в Сирии и Британии, химическое оружие будет и в XXI столетии применяться как в ходе военных действий, так и для очернения своих оппонентов. Такое положение дел свидетельствует, что мир во многом ещё находится в фазе многополярности, о которой говорилось выше и которая характеризуется высокой дестабилизацией и вспышками конфронтации. Одновременно в структуре мировой политики значительную и конструктивную роль уже играют элементы полицентризма, которые становятся составляющими новой нарождающейся системы сдержек и противовесов. Удастся ли достичь полного перехода к полицентризму, не говоря уже о его наиболее желательной разновидности – «кооперационной», предсказать пока трудно.

О многочисленности случаев реанимации современным ходом событий проблем недавнего прошлого говорят и материалы исследования МГИМО, посвящённые ядерной программе Ирана и проблеме Корейского полуострова¹. В первом случае по результатам заседания Совместной комиссии в рамках Совместного всеобъемлющего плана действий в июле 2016 г. сделан вывод: «Все участники подтвердили решительный настрой следовать букве и духу СВПД, строго соблюдая взятые на себя обязательства...»². С высоты сегодняшнего дня мы знаем, что спустя несколько месяцев новый президент США Д. Трамп объявит о планах выхода из «ядерной сделки», что и было сделано в мае 2018 г. Похожая ситуация, с точки зрения неожиданности, с которой дипломатия сталкивается с проблемами, складывается с ядерной программой КНДР после июньского саммита Д. Трампа с Ким Чен Ыном в Сингапуре. С первого взгляда она закончилась положительным исходом, но многосторонний формат переговоров по денуклеаризации Корейского полуострова был отодвинут в сторону. Высоко опасение, что встреча, проведённая в стиле решения глубоко укоренившихся проблем «кавалерийским наскоком» и закончившаяся достаточно размытыми декларациями, не гарантирует положительных сдвигов по существу.

Взгляд в прошлое глубиной в 25 лет позволяет вернуться к истокам современного кризиса в отношениях России и НАТО, связанного с расширением этого военного блока. Красноречивы слова президента США Б. Клинтона о характере деятельности Постоянного совместного совета России – НАТО, созданного в результате подписания основополагающего акта в мае 1997 г.: «Русские получают от этой сделки то, что мы предлагаем им возможность сидеть в одной комнате с НАТО и присоединяться к нам, когда мы все в чём-то соглашаемся. Но они не способны удержать нас от действий, с которыми они не согласны, и могут выразить своё неодобрение лишь выходом из комнаты. Второй плюс для них – обещание не размещать наши военные силы на террито-

¹ Там же. С. 146-161.

² Там же. С. 153.

рии их бывших, а теперь – наших союзников, до тех пор, пока однажды утром мы не проснёмся и передумаем»¹. Механизм подрыва Договора по ПРО 1972 года был запущен опять же в годы президентства Клинтона, как тогда же была проведена первая боевая операция за пределами сферы ответственности Альянса – агрессия против Югославии².

Внешняя политика России после окончания холодной войны претерпела большую эволюцию. Многие «встало на свои места». Многие заблуждения 1990-х гг. остались в прошлом, а дальновидные инициативы получили масштабное воплощение в начале XXI века. Допущенные ошибки внешней политики перестроечного периода и последующих лет позже были компенсированы профессионализмом российской дипломатии и сбалансированным сочетанием идеалов и прагматизма, «мягкой» и «жесткой силы». Следующая четверть века обещает быть не менее требовательной и жесткой к творцам внешней политики нашей страны. Конкурентное противоборство за экономические рынки, ресурсы и политическое влияние не снизит свой накал.

Успех будет сопутствовать государствам, преуспевшим в экономической и социальной модернизации и применяющим долговременные подходы. Среди ключевых задач: недопущение «новой холодной войны», укрепление авторитета ООН с опорой на принцип «сила права, а не право силы», возрождение партнёрства с ведущими европейскими странами на основе идеи Большой Европы, наполнение масштабного сотрудничества с Китаем солидным экономическим содержанием, всестороннее развитие постсоветских интеграционных проектов, в первую очередь Союзного государства России и Беларуси и Евразийского экономического союза.

Список литературы

Внешняя политика России. 1991 – 2016. Под общ ред. и с предис. акад. А.В. Торкунова. МГИМО МИД России, 2017.

References

Vneshnyaya politika Rossii. 1991 – 2016. Pod obshch red. i s predis. akad. A.V. Torkunova. MGIMO MID Rossii, 2017.

Quarter of the Century of Russian Foreign Policy

Author. Gromyko Al., Corresponding Member, Russian Academy of Sciences, Director of the Institute of Europe (Russian Academy of Sciences). **Address:** 11-3, Mokhovaya str., Moscow, Russia, 125009. **E-mail:** alexey@gromyko.ru.

Abstract. The article is dedicated to the history of Russia's foreign policy since 1991. The author explains its evolution, conceptual basis and main tenets. He explores the current discourse about nature and structure of contemporary international relations and analyses such notions as multipolarity, polycentrism, multilateralism, liberal international order. The issue of elasticity and interdependence in the history of international relations is deliberated. The paper dwells upon shifts in relations among Western states. The author also contends that competitive advantages of Russia are based on the principle of state sovereignty. The conclusion is drawn that foreign policy of those states will be successful in the foreseeable future, which are progressive in their economic and social modernization and which apply strategic approaches.

Keywords: foreign policy, Russia, multipolarity, polycentrism, multilateralism, history, international relations

DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope32018133143>

¹ Там же. С. 258-259.

² Там же. С. 260-261.